

УДК 930.2

ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*Александр С. Кузнецов^{1, @, *}*¹ *Алтайский государственный педагогический университет, Россия, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55
@ hist-kas@mail.ru**Поступила в редакцию 13.05.2016.**Принята к печати 20.06.2016.***Ключевые слова:** Великая Отечественная война, документы личного происхождения, фронтовые письма, антропологическое содержание истории.**Аннотация:** В последние десятилетия в отечественной исторической науке активно развивается направление, исследующее антропологическое содержание Великой Отечественной войны. В связи с этим в поле зрения ученых попадают эго-документы – воспоминания (мемуары), дневники и письма. Целью данной статьи является выявление репрезентативности фронтовых писем для изучения антропологического содержания Великой Отечественной войны. Исследование структуры фронтового письма производилось на основе методики формулярного анализа, представляющей эпистолярный текст в виде системной совокупности взаимосвязанных элементов. Автор приходит к выводу, что обращение исследователей к эпистолярным источникам позволяет осветить малоизученные аспекты Великой Отечественной войны, увидеть события глазами их непосредственных очевидцев и участников, но при этом отмечает, что полноценное изучение антропологического содержания войны возможно только при комплексном использовании всех видов документов личного происхождения.** Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-31-01019 а1.***Для цитирования:** Кузнецов А. С. Фронтовые письма как источник для изучения антропологического содержания Великой Отечественной войны // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 63 – 68. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-63-68.

В последние десятилетия в отечественной исторической науке активно развивается направление, опирающееся на нетрадиционный ракурс изучения Великой Отечественной войны – исследование так называемого «человеческого содержания» этого исторического события. В связи с этим в поле зрения ученых попадают не совсем «классические» источники – эго-документы – воспоминания (мемуары), дневники и письма, которые позволяют увидеть войну не с позиции учебников и маршальских мемуаров, а глазами рядовых участников, изучаемого события.

В настоящей статье в виду обширности проблемы автор обращается только к фронтовым письмам как источнику для изучения «антропологического содержания» Великой Отечественной войны.

Традиционно письма советского периода разделяют на несколько видов: 1) как газетный жанр; 2) как разновидность делопроизводственных документов, т. е. послание в государственные и общественные учреждения; 3) письма известным политическим деятелям, артистам, писателям и т. д.; 4) как разновидность эпистолярного жанра, т. е. частная переписка [24, с. 641].

Фронтовые письма включают в себя все вышеуказанные виды, но для нашего исследования наиболее важен последний – частная переписка, то есть письма с фронта, адресованные родным и близким, находящимся в тылу, а также воюющим на других фронтах. В качестве источниковой базы данной работы выступает коллекция (около 600 единиц хранения) солдатских писем периода

Великой Отечественной войны военно-исторического отдела Алтайского государственного краеведческого музея. Некоторые из этих писем частично или полностью были опубликованы в научных журналах и сборниках [22; 29; 31].

Прежде чем непосредственно обратиться к анализу содержания писем автору хотелось бы отметить некоторые особенности эпистолярного жанра как части группы источников личного происхождения (эго-документов). Л. Г. Захарова обосновывает достоинства писем как источников для исторических исследований по сравнению с другими источниками личного происхождения, в частности с мемуаристикой: «При всей общности писем с дневниками (и в гораздо меньшей степени с воспоминаниями) особенности этого жанра позволяют выделить их в особый вид источников личного происхождения и частного характера. И дневник, и тем более воспоминания – это нечто цельное, пронизанное определенной единой идеей, целью, замыслом автора, пишущего для потомства и для себя. Даже самые разрозненные дневниковые записи объединяются концепцией автора в целостное произведение. Письма, написанные по конкретному частному поводу конкретному лицу, своему современнику, отличаются большей непосредственностью, – это как бы задержанный на миг момент времени» [26, с. 395].

Крупнейший отечественный специалист в области изучения эпистолярного жанра Е. Н. Марасинова также сравнивает письма с мемуарами: «Письма содержат информацию о таких явлениях человеческой психологии,

которые менее отчетливо и полно отражены в других источниках личного происхождения. Мемуары, например, в значительной степени подтверждены влиянию социальных ценностей и ориентаций периода их создания, а также деформированы особенностями человеческой памяти и авторским знанием конечного исхода событий. Письмам же присуща быстрота реакции, спонтанность формулировки важнейших для автора жизненных проблем, учет восприятия адресата и непосредственная ориентация на его личность» [28, с. 93]. Как мы видим, исследователи в качестве достоинства эпистолий выделяют их синхронность с изучаемыми событиями.

Рассматривая содержание фронтовых писем, нужно помнить о военной цензуре в период Великой Отечественной войны. Во многих письмах закрашены географические названия, названия фронтов. Также цензура влияла на содержание писем. Солдаты не могли писать подробно о своём быте, страхах, о превосходстве противника (что было актуально в начальный период войны), поскольку это могло быть расценено как панические настроения, трусость [30, с. 146]. Также действия цензоров были направлены на недопущение утечки секретной информации и проникновения нежелательных настроений из фронта в тыл [23, с. 21]. При этом, по мнению автора, не нужно забывать о внутренней цензуре авторов писем. Солдаты, пишущие с фронта своим родным и близким, старались их не расстраивать, преуменьшать степень опасности, вселить надежду на их возвращение домой.

Продолжая данную тему, нужно отметить, что письма из тыла имели огромное значение для поддержания боевого духа солдат. Они являли собой единственную связующую нить с родными и близкими бойцам людьми. Наиболее ярко это характеризуют письма командира отделения разведки Александра Андреевича Архипова к своей возлюбленной: «Лена, недавно я читал небольшую статью, о том как действует на бойца письмо, написанное его дорогой и любимой девушкой. И действительно письмо, написанное девушкой с большим стремлением, ласками, любовью согревают человека, дает ему бодрость, дух, мужество. На сердце становится весело, веришь в себя, веришь в близкую победу над заклятым врагом. Так получается у меня. Я очень рад, что получаю такие письма» [17] (*здесь и далее сохранена орфография и пунктуация писем – Прим. автора*), – пишет Александр Андреевич в письме, датированном декабрем 1941 года. В письме от 18 ноября 1943 года А. А. Архипов снова возвращается к данной теме: «<...> получу одно «индивидуальное» письмо и твои фотографии – вот все моё развлечение. Письма хранить на фронте не разрешается, так что бывает большая радость и радостный день тогда, когда держишь свое милое письмо в руках» [15].

Исследование структуры фронтового письма производилось на основе методики формулярного анализа, представляющей эпистолярный текст в виде системной совокупности взаимосвязанных элементов, сгруппированных в три части: начальный протокол, основная часть и конечный протокол [27, с. 80 – 81]. Но нужно отметить, что существуют и другие точки зрения на выделение смысловых частей во фронтовой корреспонденции. Так, А. Ю. Иванов выделяет пять логических смысловых частей военных эпистолий: вводная; автобиографическая часть; основная часть сообщения; часть, в которой обра-

щаются с просьбами, жалобами к конкретным лицам в тыл; заключительная часть [25, с. 40 – 41].

Большинство, рассмотренных автором писем, имеет довольно шаблонный заголовок. Сначала идет дата написания письма, а затем приветствие: «Здравствуйтесь дорогие родители!», «Здравствуй сестренка Саша!», «Здравствуй Лена!». После этого следует благодарность за письмо и краткое описание своего быта и здоровья. Очень распространена фраза: «Жив-здоров».

Далее солдаты начинают расспрашивать о состоянии дел дома, дают советы. Капитан Иван Тихонович Гулькин спрашивает у отца: «Хочется знать положение дома. Больше всего интересуется один вопрос: есть ли у тебя в погребе картошка, хватит ли ее до осени, посадил ли огород и сколько» [18].

В заключительной части письма бойцы передают приветствия знакомым и близким, поздравления, пожелания благополучия, а также надежды фронтовика на скорую встречу, на победу в войне, «тем самым, раскрывая особенности представлений солдат относительно личных перспектив и планов» [25, с. 41]. Также нередко авторы эпистолий в самом конце ставят дату написания сообщения.

Тем не менее, несмотря на вышеуказанные особенности, из солдатских писем можно извлечь информацию по интересующим исследователя вопросам, касательно определенного круга проблем. Фронтовое письмо – ценный источник по изучению военного быта. «Я тебе писал, что живу хорошо. Что я могу сказать кроме этого? Но однако ты не знаешь, что значит это хорошо. Вот, например, сейчас пишу письмо в «комнате», которая представляет из себя растянутую палатку в 3 метра. [Посуду – А. К.] замещает термос, в котором носили суп и кашу. На воле дует ветер, метет снег. Что еще можно сказать? Для тебя все ясно. И вот в такой обстановке прожить чуть ли не 3 года!» [15], – описывает свой быт А. А. Архипов в письме от 1 апреля 1944 года.

Нередко в письмах солдаты описывают окружающую их природу, климат: «Погода здесь стоит неважная идут часто дожди. Ночью холодно, одни болота, да проклятые комары. В несколько раз хуже, чем наша Сибирь. Даже и сравнивать нельзя» [14], – пишет матери 2 июня 1943 года старший лейтенант Александр Павлович Баталов. Также в письмах бойцов присутствует описание сел, через которые проходило их подразделение: «Природа хорошая, у каждой деревни в садах имеются яблоки, груши, вишни <...>. Из огородных культур родится все, что и у нас, за исключением арбузов и дынь. Огурцы пустили по третьему листику, всходит картофель <...>. Жители здешние живут хорошо. У большинства есть мясо, масло, сало и др. <...> Что мне не нравится в этой обл. это почти в каждой хате, в каждом доме земляной пол. Сами хаты есть деревянные, глиняные, некирпичные. Сам народ хороший, вежливый» [13], – пишет родным в письме от 21 июня 1942 года старший лейтенант Илья Захарович Шуклин.

Также в письмах можно встретить описание нечастого солдатского досуга: «Свободное время, которое бывает только ночью, а когда и вечером, использую когда как. Вчера, например, мой заместитель по н/ч получил хорошую посылку от девушки из тыла, где было горячее, и мы на помин души заправились немножко, и время прошло у нас весело» [7], – описывает родным свой отдых все тот

же И. З. Шуклин в письме от 17 мая 1943 г. Помимо рассказов о своем досуге солдаты отмечают самую экстремальную обстановку его проведения: «Играет баян, а под звуки баяна рвутся мины и снаряды. Но люди привыкли, они верят в победу. А привычка здесь играет большую роль. Вспомню первый раз пошел в бой, было как-то не по себе, т. е. страшновато. А сейчас как будто так и надо» [9], – пишет матери 27 июня 1943 г. А. П. Баталов. Вероятно, описание фронтового быта, окружающей природы и климата, досуга позволяло солдатам не только удовлетворить свою потребность в общении с родными и близкими, но давало возможность абстрагироваться от экстремальной военной действительности, выступало своего рода психологической разрядкой.

Письма являются ценным источником по изучению восприятия противника фронтовиками, в них очень ярко прослеживается так называемый «образ врага». Эпистолярные источники позволяют, если переписка ведется довольно продолжительное время, проследить эволюцию и трансформацию взглядов автора по отношению к противнику: «Учусь по-прежнему, готовлюсь к практическим боям с этими противными, отвратительными псами, обжорами, которым не только не хватает Европы, но им подавайте Советскую землю. <...> Известие о начавшихся военных действиях произвели на меня ужасное впечатление. Я всегда ненавидел этих паразитов, которые хотят жить на чьей-то шее, которым жутко хочется положить свою дохлую лапу на наш священный народ» [6], – пишет 23 июня 1941 г. отцу Иван Тихонович Гулькин. И. Т. Гулькин в тот момент находился в летном училище, столкновений с немецкими войсками не имел, поэтому вероятно предположить, что образ врага у будущего летчика сформирован в основном посредством органов пропаганды.

Теперь обратим внимание на другое письмо Ивана Тихоновича, датированное 12-м марта 1944 г., то есть автор почти два года находится на фронте (воевал с мая 1942 г.), образ врага для него стал четким, увиденным собственными глазами: «Война пошла по графику: намечено убить немца – убьешь. Гоним его, а что более приятно – истребляем его, сукина сына, потому что если не истребить его сегодня, а только выгонишь со своей земли, он соберет своих людей и снова ползет. А убитый никогда не ползет. Папа. Расскажу тебе как сегодня истреблял. ...Потом смотрю два грузовика встали, и люди с них упали на землю. Хотел выстрелить, но раз там были две бабы – думаю, не надо, мирные. А мой стрелок по ним, как даст очередь. «Зачем, – спрашиваю, – бабу трогашь?» А он отвечает: «Блядь немецкая вместе с ними удирает от наших войск». Я аж засмеялся. Правильно он сделал. На своих предателей злоба еще больше» [11]. Через восприятие предателей, своих, которые перешли на сторону врага, ярко рисуется и образ самого противника. Для Ивана Тихоновича хуже немцев могут быть только русские, которые преклонились перед врагом.

Иван Иванович Григорьев в письме от 17 января 1944 г. называет противника «погаными фрицами» [4], а в своем сообщении родителям от 19 марта 1945 г. торжествует по поводу скорого завершения войны и унижения Германии: «Вот сейчас я вижу пожарища и руины, развалины городов уже не родной русской земли, а презренной Фрицляндии. Эта поганая страна с собачьим наречи-

ем напоминает только о диком <...> и сами фрицы и гансы и их фрау <...> так животное воспитаны и смотрят на жизнь.

Здесь нет прекрасного, кроме «прекрасных» застенок для скорби людей. Вот Вам, Раса! Германия какой я вижу ее сейчас. Большая часть ее уже поставлена на колени. А что думали эти пошлые завоеватели! Горе-воины, только так их можно назвать. Как они противны и жалки, <...> Пусть они сами несут тяжкое бремя, которое хотели дать нам» [5]. Как мы видим, автор письма вполне справедливым считает возмездие за те действия, которые совершал враг на территории Советского Союза.

В годы войны, когда люди, составляющие одну семью, могли быть разбросаны в разных частях Советского Союза, а позднее и европейских государств, письма были практически единственным способом сообщения родных и близких, поэтому эпистолярный жанр является важным источником для изучения семейных взаимоотношений в годы Великой Отечественной войны. Выше уже было сказано, что бойцы всегда интересуются положением дел дома, дают советы, помогают финансово. Содержание фронтовых писем является доказательством о денежных переводах солдатами своим родным. «Здравствуй папаша! Посылаю тебе в подарок одну тысячу рублей. Делаю огородное хозяйство и прочее» [20].

Нередко в переписке встречается обида фронтовиков на то, что про них редко вспоминают родные и близкие. «Меня интересует Таня. Как она учится? Мне почему-то, когда я уезжал из дому – запомнился один только отец. Запомнилось и резко врезалось в память наше с тобой прощанье на пути к станции, когда ночью в эту лютую пургу я зашагал на вокзал, а отец на работу в ночную смену. Запомнилась колючая борода отца, его жгучие слезы. Вот поэтому я и пишу только отцу, а всем остальным только приветы. Хочется хотя бы на несколько часов попасть в родной дом к отцу – да теперь нельзя, немца надо бить» [19], – пишет Иван Тихонович Гулькин отцу.

В следующем письме домой И. Т. Гулькин продолжает эту тему: «Очень обидно, что меня вспоминают, когда я нужен. Тебя, например, я не только вспоминал, но и никогда не забывал. В самые страшные дни, когда жизнь моя болталась на волоске, когда немец был сильнее нас – я усиливал переписку с тобой. А вот Таня меня вспомнила только сейчас. Пусть еще кто вспомнит когда-нибудь, кроме вас двоих – для них буду быком, даже хуже» [21].

Аналогичные чувства испытывает Иван Иванович Григорьев: «Очень рад, что хоть ты одна осталась прежней. Все несмотря на долгие годы моего отсутствия, мне кажется, стали меня забывать. Быть может я и ошибаюсь, но мне кажется, что это все так и есть. Саша! это я пишу тебе, поэтому ты сама знаешь с тобою как ни с кем я откровенен во многом» [4]. По мнению автора, подобные ситуации неприятны для любого человека, а для солдат, постоянно рискующих жизнью на передовой, это вдвойне обидно. Но возможно предположить, что авторы писем предъявляют завышенные требования к своим родным и близким. Участвуя непосредственно в боевых действиях с противником, фронтовики могли несколько преувеличенно оценивать свой вклад в успешное завершение войны, при этом не обладая достоверной информацией, принижали заслуги тыловых районов Советского

Союза во вклад в победу над врагом, что имело некоторое влияние и на содержание писем родным и близким, которые находились в глубоком тылу.

Представляется интересным обратить внимание на содержание переписки И. И. Григорьева с сестрой Александрой. Иван Иванович рассказывает сестре про свои отношения с противоположным полом, и при этом просит Александру не говорить об этом родителям: «Ты вспоминаешь о Резановой. Поверь я не могу писать ей. Правда я был знаком, но знаком как товарищ. Если писать, то только вызвать излишние чувства. Да и зачем беспокоить, когда я знаком с девушкой, которая пишет письмо за письмом. Мы знакомы с ней еще с 1938 г. и она упорно не хочет забыть меня. Что же мне делать? Она просила меня, дала слово, я согласился. Если тебя интересует я могу познакомить, как на это ты смотришь Саша? Она живет в Барнауле. Вот лишь поэтому я не хочу писать да и не имею ничего милого к Р. Саше. Саша! что я тебе написал это только для тебя. Родители не могут сейчас знать этого» [4].

Довольно редким случаем является переписка, длящаяся всю войну между Александром Андреевичем Архиповым и его возлюбленной Еленой. В данных письмах помимо традиционных бытовых и военных тем присутствует описание чувств – любви, ревности, а вследствие этого и выяснение отношений. А. А. Архипов свою защиту и спасение видит в любви к своей девушке Елене: «Ты живешь в моем сердце, ты со мною там, где грозит мне опасность, я знаю, что ты меня любишь, ждешь, мы знаем, что впереди <...>. Там смерти не боятся, <...> любовь сильнее смерти, и если я погибну, то буду знать, что там, в Алтае, меня помнит та, кому принадлежала вся нежность моего сердца, которую я отдал тебе» [2]. Интересным фактом, связанным с А. А. Архиповым, является то, что он один из немногих авторов писем пережил войну и прожил долгую жизнь.

Особого внимания заслуживает отношение фронтовиков к родственникам, оставшимся в тылу: «Получил так же и от Михаила Тихоновича письмо, полное прелести и мирозерцания. Эх, как он хорошо устроился – мало кто так сейчас живет. Ну, ничего, пусть устраивается, кто может, но мне ужасно хотелось бы таких посадить под свист авиационных бомб и разрывов, послушать стон смертельно раненых и умирающих солдат» [10], – пишет отцу про брата И. Т. Гулькин. Аналогично рассуждает замполит Евгений Васильевич Ватрухин: «Получил сегодня письмо от Владимира. Чудак он. Уж больно он все идеализирует, ему однако кажется, что немцы сейчас отступают исключительно из-за того, что наши бойцы кричать: «Ура!». Не мешало бы ему съездить, посмотреть. Ну, ничего, пусть там получше очищает тыл от всякой нечисти» [1]. Отношение к тем, кто отсиживается в тылу, когда нужно убивать немцев на передовой, для солдат, воевавших по несколько лет, было однозначным.

Довольно резко о взаимоотношениях полов в тылу отзывается И. Т. Гулькин: «Мне почему-то сейчас смутно представляется тыловая жизнь. Говорят трудно жить. А почему же тогда девки замуж выходят, а мужики женятся? От скуки? А может быть боятся не хватит им мужей, ребят после войны? Или из блядства? Нет, папаша. Я видно к тебе не приеду жениться, а приеду с женой. Найду себе на белом свете жену. Неправда, не все бляди»

[19]. Что можно объяснить, как свойствами характера и взглядами на жизнь автора письма, так и увиденным и услышанным на войне.

Фронтовые письма являются ценным источником для изучения психологии солдат, ее особенностей. Например, довольно часто в фронтовых письмах фигурируют рассуждения солдат о смерти своей или близких. И. И. Григорьев 20 августа 1944 г. о своей возможной гибели пишет равнодушно: «Папа! четыре года как я оставил ваш дом. Четыре года меня нет у вас. Уезжая, я не думал о том, что так долго не буду видеть вас. Но что можно сделать, если так получилось. <...> Я не жалею того, что семейный очаг наш получил уединение. И прошу вас обо мне не беспокойтесь. Боевые будни мои разнообразны, полны неожиданных опасностей. И почему-то то, что для меня опасно, мне кажется совершенно обыденным, и я ищу встреч с ним. Смерть уже не страшна, только жаль вас. Горе, которое я видел уже не увидеть в таких масштабах. Слезы, а сколько их. Радость, горе, нужда, блаженство – все это выражается слезами. Прошу вас. Если меня не станет, то не станет героем» [3]. По мнению автора, у Ивана Ивановича за три года участия в военных действиях произошло привыкание к экстремальным условиям войны, а некоторой степени даже зависимость к чувству опасности.

Баталов Александр Павлович сообщает матери о своей возможности гибели так: «Ну, мамочка милая, прощай еду защищать свою родину отчизну. Живи спокойно, не горной... А если придется умереть, то умру героем. Не может быть, чтобы я был последним. Я иду на одно из двух: умру или буду героем» [8]. К этой теме он возвращается много раз в своих письмах. Это можно объяснить высоким патриотическим настроением «свежеиспеченного» офицера, а также желанием убедить мать в том, что ее сын даже, если погибнет, то она им будет гордиться.

Как справедливо заметил Д. И. Варшавский: «Если сравнивать письма с воспоминаниями в качестве источника по истории повседневности, то у первых есть значительное преимущество в точности датировки описываемых событий, зато воспоминания предоставляют более подробную информацию. Из всех источников личного происхождения письма играют скорее второстепенную роль, однако без их использования исследование фронтовой жизни не будет полным и всесторонним» [23, с. 21].

Таким образом, обращение исследователей к эпистолярным источникам позволяет открыть еще одну малоизученную страницу Великой Отечественной войны, увидеть события глазами их непосредственных очевидцев и участников. Фронтовые письма – ценный источник для изучения фронтового быта, семейных взаимоотношений в изучаемый период, а также психологии общества, оказавшегося в экстремальных военных условиях, и непосредственных участников боевых действий. «Военные письма имеют еще колоссальную культурную ценность, поскольку являются носителем духовно-эмоциональных переживаний целого поколения огромной страны, пережившего такое страшное событие» [23, с. 21 – 22], но при работе с эпистолярными источниками нужно учитывать их особенности. Но, несмотря на все вышеперечисленное, по мнению автора, полноценное изучение «антропологического содержания» войны возможно только при комплексном использовании всех видов источников личного происхождения.

Литература

1. Алтайский государственный краеведческий музей (АГКМ). ОФ. 16475/ 7.
2. АГКМ. ОФ. 16682/ 79.
3. АГКМ. ОФ. 10022/ 14з.
4. АГКМ. ОФ. 10022/14е.
5. АГКМ. ОФ. 10022/14и.
6. АГКМ. ОФ. 10600/16.
7. АГКМ. ОФ. 14154/47.
8. АГКМ. ОФ. 16177/ 8.
9. АГКМ. ОФ. 16177/21.
10. АГКМ. ОФ. 18029/ 34.
11. АГКМ. ОФ. 18029/27.
12. АГКМ. ОФ. 10022/14е.
13. АГКМ. ОФ. 14154/35.
14. АГКМ. ОФ. 16177/18.
15. АГКМ. ОФ. 16682/72.
16. АГКМ. ОФ. 16682/77.
17. АГКМ. ОФ. 16682/84.
18. АГКМ. ОФ. 18029/15.
19. АГКМ. ОФ. 18029/19.
20. АГКМ. ОФ. 18029/20.
21. АГКМ. ОФ. 18029/36.
22. Альбом-каталог «Жди меня... Солдатские письма Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.» к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Барнаул: Алтапресс, 2015. 224 с.
23. Варшавский Д. И. Мемуары, дневники и письма как исторический источник в вопросе изучения фронтового быта советских солдат в Великой Отечественной войне // Вестник МГОУ. 2012. № 4. С. 18 – 22.
24. Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М.: РГГУ, 1998. 702 с.
25. Иванов А. Ю. Анализ фронтовых писем периода Великой Отечественной войны в свете инновационных источниковедческих подходов // Вестник Чувашского университета. 2008. № 4. С. 37 – 41.
26. Источниковедение истории СССР XIX – начала XX в.: учебное пособие / отв. ред. И. А. Федосов. М.: Изд-во МГУ, 1970. 470 с.
27. Касимов Р. Н. Приемы анализа фронтовых писем как дополнительного источника изучения отдельных аспектов Великой Отечественной войны (по материалам книги К. А. Пономарева «150 дней красноармейца Пономарева» // Индакар. 2014. № 5(22). С. 78 – 95.
28. Марасинова Е. Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М.: Наука, 2008. 460 с.
29. Письма с фронта любимым: сборник писем и воспоминаний военных лет / сост.-ред. Г. Н. Белоглазова. Барнаул: А. Р. Т., 2007. 384 с.
30. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: Росспэн, 2006. 288 с.
31. Экзамен на жизнь... Письма Героя Советского Союза И. Т. Гулькина. 1941 – 1945 гг. // Краеведческие записки. 2005. Вып. 6. С. 18 – 38.

LETTERS FROM THE FRONT AS A SOURCE FOR THE STUDY OF THE ANTHROPOLOGICAL CONTENT OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Alexandr S. Kuznetsov¹, @, *

¹ Altai State Pedagogical University, 55, Molodejnaja street, Barnaul, Russia, 656031
@ hist-kas@mail.ru

Received 13.05.2016.
Accepted 20.06.2016.

Keywords: the Great Patriotic War, the documents of personal origin, letters from the front, the anthropological content of history.

Abstract: In recent decades the direction of the domestic historical science exploring the anthropological content of the Great Patriotic War is actively developing. In this regard ego-documents come into the view of scientists – memories (memoirs), diaries and letters. The purpose of this article is to identify the representativeness of letters from the front for the anthropological study of the content of the Great Patriotic War. The investigation of the letters from the front was made on the basis of formulary analysis, which represents an epistolary text as a system of interrelated elements. The author concludes that the researchers' reference to epistolary sources

* The paper was written with the support of the Russian Humanitarian Science Foundation grant No. 15-31-01019 A1.

makes it possible to illuminate the little-known aspects of the Great Patriotic War, to see events through the eyes of their direct witnesses and participants. However, it is pointed out that a full study of the anthropological content of the war is possible only with the integrated use of all types of documents of personal origin.

For citation: Kuznetsov A. S. Frontovye pis'ma kak istochnik dlia izucheniia antropologicheskogo soderzhaniia Velikoi Otechestvennoi voiny [Letters from the front as a source for the study of the anthropological content of the Great Patriotic War]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 63 – 68. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-63-68.

References

1. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 16475/ 7.
2. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 16682/ 79.
3. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 10022/ 14z.
4. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 10022/14e.
5. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 10022/14i.
6. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 10600/16.
7. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 14154/47.
8. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 16177/ 8.
9. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 16177/ 21.
10. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 18029/ 34.
11. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 18029/27.
12. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 10022/14e.
13. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 14154/35.
14. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 16177/18.
15. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 16682/72.
16. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 16682/77.
17. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 16682/84.
18. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 18029/15.
19. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 18029/19.
20. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 18029/20.
21. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 18029/36.
22. *Al'bom-katalog «Zhdi menia... Soldatskie pis'ma Velikoi Otechestvennoi voiny 1941 – 1945 gg.» k 70-letiiu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine* [The album-catalog "Wait for me... The soldiers' letters of the Great Patriotic War of 1941 – 1945. "70 – year anniversary of Victory in Great Patriotic War]. Barnaul: Altapress, 2015, 224.
23. Varshavskii D. I. *Memuary, dnevniki i pis'ma kak istoricheskii istochnik v voprose izucheniia frontovogo byta sovetskikh soldat v Velikoi Otechestvennoi voine* [Memoirs, diaries and letters as a historical source on the issue of the study life of the front of the Soviet soldiers in the Great Patriotic War]. *Vestnik MGOU = Bulletin of Moscow state regional University*, no. 4 (2012): 18 – 22.
24. Danilevskii I. N., Kabanov V. V., Medushevskaia O. M., Rumiantseva M. F. *Istochnikovedenie: Teoriia. Istoriia. Metod. Istochniki rossiiskoi istorii* [Chronology: Theory. History. Method. Sources of Russian history]. Moscow: RGGU, 1998, 702.
25. Ivanov A. Iu. *Analiz frontovykh pisem perioda Velikoi Otechestvennoi voiny v svete innovatsionnykh istochnikovedcheskikh podkhodov* [An analysis of letters from the front during World War II in the light of source of innovative approaches]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta = Bulletin of Chuvash University*, no. 4 (2008): 37 – 41.
26. *Istochnikovedenie istorii SSSR XIX – nachala XX v.* [Chronology of Soviet history XIX – early XX century]. Ed. Fedosov I. A. Moscow: Izd-vo MGU, 1970, 470.
27. Kasimov R. N. *Priemy analiza frontovykh pisem kak dopolnitel'nogo istochnika izucheniia otdel'nykh aspektov Velikoi Otechestvennoi voiny (po materialam knigi K. A. Ponomareva «150 dnei krasnoarmeitsa Ponomareva»)* [Methods of analysis of letters from the front as an additional source of study of certain aspects of the Great Patriotic War (on materials of the book of Ponomarev K. A. "The 150 days of the Red Army man Ponomarev")]. *Indakar = Indakar*, no. 5(22) (2014): 78 – 95.
28. Marasinova E. N. *Vlast' i lichnost': ocherki russkoi istorii XVIII veka* [The power and personality: Essays on Russian history of XVIII century]. Moscow: Nauka, 2008, 460.
29. *Pis'ma s fronta liubimym: sbornik pisem i vospominanii voennykh let* [Letters from the Front 's favorite: a collection of letters and memories of the war years]. Comp and ed. Beloglazova G. N. Barnaul: A. R. T., 2007, 384.
30. Seniavskaia E. S. *Protivniki Rossii v voinakh KhKh veka: evoliutsiia «obraza vraga» v soznanii armii i obshchestva* [Russian opponents in the wars of the twentieth century: the evolution of the "enemy image" in the minds of the army and society]. Moscow: Rosspehn, 2006, 288.
31. *Èkzamen na zhizn'... Pis'ma Geroia Sovetskogo Soiuza I. T. Gul'kina. 1941 – 1945 gg.* [Examinations for life... Letters of the Hero of the Soviet Union of Gulkin I. T., 1941 – 1945]. *Kraevedcheskie zapiski = Local history notes*, no. 6 (2005): 18 – 38.